

Шевелева Ирина Александровна

РЕМОТИВАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Целью статьи является рассмотрение одного из видов творческого преобразования фразеологических единиц (ФЕ) - ремотивации, заключающейся в обыгрывании буквального значения словосочетания, ставшего основой ФЕ, и фразеологического значения, которое это словосочетание получило в результате переосмысления. Объектом исследования послужили 150 контекстов индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов в каждом из XVIII и XX веков. Особое внимание обращается на тот факт, что ремотивация включена в процесс языкового развития как одна из его ступеней, чем и объясняется разница в количественных показателях ремотивированных ФЕ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Суржикова Н. В.** Русские языковые вкрапления в речи немецко-говорящих военнопленных второй мировой войны / Aus Sibirien – 2005. Научно-информационный сборник. Тюмень: Экспресс, 2005. С. 134-137.
2. **Хавкин Б.** Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2006. № 1. С. 5.
3. **Abel W.** Spasibo Iwan – Danke Soldat: Seltene Erlebnisse hinter der Ostfront und in russischer Gefangenschaft (Sammlung der Zeitzeugen). Jürgen Kleindienst (Herausgeber). Berlin: Zeitgut Verlag GmbH, 2007. 116 S.
4. **Berthold E.** Kriegsgefangene im Osten. Bilder. Briefe. Berichte. Königstein –Ts.: Athenäum 1981, 211 S.
5. **Bruce P. H.** Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officiers in Preußischen, Russischen und Großbritannischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Rußland, die Tartarey, Turkey, Westindien u. s. f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Rußland. Leipzig: Junius, 1784. 548 S.
6. **Donga-Sylvester E., Czernetzky G., Toma H.** «Ihr verreckt hier bei ehrlicher Arbeit!»: Deutsche im Gulag 1936-1956: Anthologie des Erinnerns. Graz – Stuttgart: Leopold Stocker Verlag, 2000. 368 S.
7. **Duden: Das große Fremdwörterbuch.** Mannheim: Dudenverlag, 2007. 1548 S.
8. <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=posledn2> (дата обращения: 16.05.2016).
9. <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/arbeitslose-jobcenter-ertappen-mehr-schwarzarbeiter-a-770935.html> (дата обращения: 28.04.2016).
10. <http://www.worldwidewords.org/qa/qa-jac3.htm> (дата обращения: 16.05.2016).
11. <http://www.zeit.de/1956/39/asphaltpracht-durch-moskaur-hilfe/komplettansicht> (дата обращения: 28.04.2016).
12. **Konsalik H. G.** Der Arzt von Stalingrad. München: Lichtenberg Verlag, 1992. 362 S.
13. **Ostmann I.** Russizismen in der deutschen Sprache. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. 329 S.
14. **Rühle O.** Genesung in Jelabuga. Kessel Stalingrad – Antifa-Schule für ein neues Deutschland, Autobiographischer Bericht. Berlin: Verlag der Nation, 1968. 500 S.
15. **Seydlitz W. v.** Stalingrad – Konflikt und Konsequenz. Oldenburg – Hamburg: Verlag Gerhard Stalling, 1977. 386 S.
16. **Siebeck W.** Eine störende Beruhigung [Электронный ресурс] // Die Zeit Nr. 1973. 21 September. № 73. URL: <http://www.zeit.de/1973/39/eine-stoerende-beruhigung> (дата обращения: 28.04.2016).
17. **Storch H. F.** Gemälde von St. Petersburg. Bd. 2. Riga: Hartknoch, 1794. 549 S.

RUSSISMS IN THE LANGUAGE OF THE GERMAN PRISONERS OF WAR IN 1941-1956

Tsentner Mariya Sergeevna

Tsiolkovsky Kaluga State University

maria.zentner@hotmail.com

The theme of Russisms in the language of the German prisoners of war has not been fully investigated in the Russian linguistics yet. This article considers Russisms in the language of the German prisoners of war and describes the historical background of their appearance. A lot of German prisoners of war could understand Russian to some extent and, as a result, some Russisms appeared in their language. The majority of the borrowings under study reflected everyday life in the prison camp, they were fragmental inclusions from the Russian language and are not practically used in the modern German language.

Key words and phrases: Russism; borrowings; borrowings from Russian; assimilation; prisoners of war; German language; Russian language.

УДК 8; 81-112.2

Целью статьи является рассмотрение одного из видов творческого преобразования фразеологических единиц (ФЕ) – ремотивации, заключающейся в обыгрывании буквального значения словосочетания, ставшего основой ФЕ, и фразеологического значения, которое это словосочетание получило в результате пересмысления. Объектом исследования послужили 150 контекстов индивидуально-авторского преобразования фразеологизмов в каждом из XVIII и XX веков. Особое внимание обращается на тот факт, что ремотивация включена в процесс языкового развития как одна из его ступеней, чем и объясняется разница в количественных показателях ремотивированных ФЕ.

Ключевые слова и фразы: ремотивация; внутренняя форма; фразеологическая креативность; прототип; демотивация.

Шевелева Ирина Александровна

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

forgetmenot69@rambler.ru

РЕМОТИВАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Одним из центральных понятий лингвистики середины XX – начала XXI века И. В. Зыкова называет креативность [9, с. 80]. Креативность получает различное проявление в языке в зависимости от типа языковой

единицы. Так, говоря о креативности номинативных единиц – лексем и фразеологизмов, – О. В. Голубева отмечает, что благодаря различным приемам авторского преобразования эти единицы «могут получать любое значение в зависимости от обыгрываемого аспекта формы, содержания, ассоциаций, возникающих у читателя, и стать действующим лицом в развитии сюжета» [5, с. 4].

Креативная функция фразеологических единиц (далее – ФЕ) тесно взаимосвязана с экспрессивной, эстетической и прагматической функциями. «Креативность базируется на потенциале языковой системы, связана с эстетической функцией языка, но выходит за пределы художественного текста. Креативная функция оказывается шире эстетической, так как ее проявлением является не только выразительность и образность, но и сфера прагматики в широком смысле слова» [1, с. 125].

Креативный потенциал ФЕ проявляется не только в создании окказиональных значений, производных единиц на базе исходной, но и в обыгрывании буквальных значений составляющих ее компонентов или буквального значения словосочетания, послужившего ее основой, наряду с фразеологическим. Именно благодаря тому, что ФЕ состоит из смылосодержащих языковых знаков предшествующих уровней, можно говорить о семантическом потенциале, который реализуется при творческом использовании ФЕ в речи. Как указывает Э. Кржишник, большинство форм ФЕ существует на двух уровнях: как свободные сочетания и как фразеологизмы, а при креативном использовании ФЕ образуется и третий уровень, суть которого в соотношении двух значений – значения свободного сочетания и значения ФЕ [10, с. 88].

Значение свободного сочетания, послужившего основой ФЕ, представляет собой внутреннюю форму ФЕ, а третий уровень в трактовке Э. Кржишник – это основа образности ФЕ. «Внутренняя форма участвует в образовании фразеологического значения, которое возникает в результате метафорического переосмысления того словосочетания, которое формирует внутренний образ фразеологизма, его внутреннюю форму» [7, с. 14]. Исходное словосочетание является частью прототипа ФЕ, его мотивирующей базой¹ [3], с которой фразеологизм связан деривационными отношениями. В данном случае уместно говорить именно о части прототипа ФЕ, так как вслед за Г. С. Григорьевой мы считаем, что прототип ФЕ состоит не только из переменного сочетания слов, но и «различного рода ассоциативных отношений: исторических, фольклорных, текстовых, то есть фонда общих знаний, связанных с историческими традициями, фактами, реалиями, фольклорными представлениями, религиозными верованиями и их атрибутами...» [6, с. 56]. На это указывает и В. Н. Телия, выделяющая такое свойство фразеологического значения, как мотивированность, «т.е. его ассоциативно-образная связь с обозначаемым того словозначения, которое было использовано для формирования нового» [13, с. 111].

В процессе исторического развития ФЕ, которые наряду с устойчивостью и воспроизводимостью обладают идиоматичностью, постепенно накапливающейся, как указывает Б. А. Ларин, по мере развития идиом от текущих словосочетаний к неразложимым, при исчезновении реалий или ситуаций, обозначаемых прототипом ФЕ, происходит нарушение деривационной связи между ФЕ и ее прототипом, угасание мотивационных отношений [12, с. 203]. В результате происходит «затемнение» внутренней формы, утрата мотивационного значения и ассоциативно-образной связи с прототипом ФЕ, иными словами, демотивация. Мы придерживаемся точки зрения В. Г. Варинной, согласно которой внутренняя форма ФЕ является «динамическим компонентом значения» [2, с. 243] и проходит, таким образом, определенные этапы развития: при образовании ФЕ она представляется живой, осознаваемой, но со временем она затемняется, становится менее прозрачной и в конечном итоге утрачивается и стирается. Исходя из этого, мы выделяем три состояния внутренней формы ФЕ:

1. Живая внутренняя форма.
2. Затемненная внутренняя форма.
3. Мертвая внутренняя форма.

Указанные три типа состояния внутренней формы определяются противостоянием двух противоборствующих тенденций в составе ФЕ как языковом знаке: тенденции к мотивированности, выражаемой в сохранении связи знака с предметом, и тенденции к произвольности, связывающей знак с мышлением. «Тенденция к мотивированности – есть проявление в мире знаков всеобщей диалектической закономерности – стремления содержания и формы к взаимосоответствию. Но если бы эта тенденция превратилась бы в жесткую связь, знаковая система потеряла бы возможность саморазвития. Отсюда вторая тенденция – к произвольности как стремление к свободе развития. Диалектическое противодействие этих двух тенденций во многом определяет развитие и функционирование разных видов знаков» [8, с. 21].

Обозначенные тенденции находят свое выражение в противоположных процессах, происходящих внутри ФЕ. Тенденция к произвольности проявляется в процессе демотивации, тогда как тенденция к мотивированности – в процессе ремотивации внутренней формы. Под ремотивацией мы понимаем процесс обретения мотивированности в случае ее утраты, оживления внутренней формы и актуализации мотивационных отношений. «Демотивация и ремотивация – одна из фразеологических антиномий, ведущих к восстановлению нарушенного равновесия, т.е. к разрешению антиномии» [11, с. 203].

Несмотря на то, что эти процессы являются диаметрально противоположными, они обнаруживают и взаимосвязь, так как они сменяют друг друга, и при завершении одного процесса начинается действие второго. Процессы демотивации и ремотивации включены в процесс общего языкового развития: **НОМИНАЦИЯ** (образование мотивированной единицы) → **ДЕМОТИВАЦИЯ** → **РЕМОТИВАЦИЯ** → **ДЕМОТИВАЦИЯ** → **РЕМОТИВАЦИЯ**...

¹ Термин, предложенный Ю. А. Гвоздаревым.

Ремотивацию фразеологических единиц следует отличать от приема буквализации. Прием буквализации основан на противопоставлении исходного денотативного значения компонента ФЕ и его фразеологически связанного значения. «Прием буквализации остается на уровне игры слов, простого взаимодействия двух между собой независимых значений, замечаемой и имеющей эффект как раз благодаря этому разрыву (как эффект неожиданности)» [10, с. 90]. Ремотивация же ведет к актуализации значения словосочетания-основы ФЕ, и это становится возможным благодаря приему деметафоризации или дефразеологизации ФЕ.

Главным условием ремотивации внутренней формы фразеологической единицы является ее реализация в контексте, способствующем оживлению внутренней формы и восстановлению денотативного значения словосочетания, послужившего его прототипом.

В приводимом ниже контексте происходит деметафоризация ФЕ *a heart of gold* (золотое сердце) при восстановлении денотативного значения свободного словосочетания *a heart of gold*, и это становится возможным благодаря авторской ремарке, следующей за ФЕ. Американец, защищающий своего знакомого от обвинений в похищении ребенка, пытается прояснить все обстоятельства, но так как его собеседником является человек, не говорящий на английском, он активно прибегает к жестам:

American. No, sir. Providence has acted pretty mean, loading off that baby on him [he makes the motion of dangling]. The little man has a heart of gold [He points to his heart, and takes out a gold coin] [17, p. 48]. /

Американец. Нет, нет, сэр! Провидение сыграло с этим малым скверную шутку, подбросив ему младенца. (Показывает руками, как качают детей.) У этого человечка золотое сердце. (Показывает на свое сердце и извлекает из кармана золотую монету) [4].

Жесты персонажей, описываемые автором, особенно часто ведут к одновременной реализации денотативного значения словосочетания, послужившего основой ФЕ, и значения этой ФЕ в драматических произведениях XX века и составляют 30% всех случаев ремотивации внутренней формы ФЕ. Так и в случае с ФЕ *put one's neck in a noose* [19] (лезть в петлю), когда Уолси, говоря о своем преемнике, сравнивает петлю с цепью на своей шее, и его жест, таким образом, способствует появлению двойного семантического плана, при котором мы воспринимаем ФЕ *put one's neck in a noose*, обладающую фразеологическим значением, и свободное словосочетание *put one's neck in a noose* в его буквальном значении:

Wolsey. You'd like that, wouldn't you? To govern the country by prayers?

More. Yes, I should.

Wolsey. I'd like to be there when you try. Who will? (He half lifts the chain from his shoulders) Who will put his neck in this – after me? You? Tunstall? Suffok? [15, p. 14]. /

Уолси. Ну, ты бы хотел этого, не отрицай. Руководить страной молитвами?

Мор. Несомненно.

Уолси. Хотел бы я посмотреть на это. Да кто на это пойдет? (Приподнимая цепочку, висящую на шее) Кто добровольно полезет в эту петлю после меня? Ты? Танстэл? Саффок? (Здесь и далее перевод автора статьи).

В приводимом ниже случае ремотивация внутренней формы ФЕ *half seas over* (море по колено), возникшей в результате полета фантазии и обладающей фантастическим образом, соответственно, сочетается с буквализацией ключевого компонента *seas*, которая достигается в результате введения в ближайший контекст слова *water*, принадлежащего к той же лексико-семантической группе:

Ld. Geo. Death! I tell thee Man, I'm above half the seas over.

Ld. Wrang. One would rather think half the seas were over you; for, in my mind, you don't talk like a man above water [16, p. 108]. /

Лорд Гео. Черт! Говорю же тебе, мне и море по колено.

Лорд Ренг. Да, я бы сказал, что не по колено, а уже по уши, гляди, а то и совсем волной накроет.

Псевдоденотат ФЕ *as like as one as if he had been spit out of his mouth*, восходящей к 1400 году [14, p. 984], подвергается актуализации благодаря замене компонента *spit* окказиональным *come out* при повторении этой ФЕ, а также введения определения-уточнения *honest a man's*:

Mrs. Day. Nay, I durst swear you would never guess – why – would you think it; I had two growing in my belly, Mrs. Busie one in hers, and Mrs. Mayoress of Reading a chopping boy, as it proved afterwards, in hers, as like the father as if it had been spit out of his mouth; and if he had come out of his mouth, he had come out of as honest a man's mouth as any in forty miles of the head of him: for, would you think it? [18, p. 15]. /

Миссис Дэй. Нет, могу поклясться, вы никогда не угадаете – вы даже и подумать о таком не могли бы, я выносила двоих детей, Миссис Бизи – одного, Миссис Мэр Ридинг родила, как оказалось потом, очень даже здорового парня, он весь в отца, ну прям вылитый отец, и отливал его честный человек, известный во всей округе – ну могло ли это прийти вам на ум?

В результате сопоставления ремотивированных ФЕ в английских драматических произведениях XVIII и XX веков мы пришли к выводу, что ремотивация как прием индивидуально-авторского преобразования является наиболее характерной для фразеологии XX века и составляет 25% всех видов преобразований, тогда как в XVIII веке ремотивированными являются только 8% преобразованных ФЕ. Эту особенность мы связываем с процессами общего языкового развития: большинство исследуемых ФЕ своим появлением обязаны средне- и новоанглийскому периодам (XVI-XV и XVI-XVIII векам соответственно), в эти периоды они обладали неразрывной ассоциативно-образной связью со словосочетанием-прототипом, и их внутренняя

форма была отчетливо осознаваемой, тогда как внутренняя форма фразеологизмов на современном этапе развития является затемненной или даже стертой, что стало толчком к активизации тенденции к мотивированности, при которой содержание и форма ФЕ стремятся к взаимосоответствию.

Список литературы

1. **Богатырева О. Л.** Креативный потенциал категории рода в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 200 с.
2. **Варина В. Г.** Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 233-244.
3. **Гвоздарев Ю. А.** Основы русского фразообразования: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. 246 с.
4. **Голсуорси Д.** Маленький человек [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/golsworthy15_1.txt_with-big-pictures.html#3 (дата обращения: 03.06.2016).
5. **Голубева О. В.** Креативная функция единиц вторичной номинации в сказках Л. Кэролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»: дисс. ... к. филол. н. Смоленск, 2004. 174 с.
6. **Григорьева Г. С.** Фразеологические единицы с зоонимами в аспекте теории номинации (на материале современного английского языка): дисс. ... к. филол. н. Одесса, 1985. 220 с.
7. **Жуков В. П., Жуков А. В.** Русская фразеология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 310 с.
8. **Журавлев А. П.** Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1976. С. 20-26.
9. **Зыкова И. В.** Креативность концептуальных моделей фразеологической образности: системный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (036). С. 76-85.
10. **Кржишник Э.** Два аспекта семантического потенциала фраземы // Ученые записки Таврийского национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 87-93.
11. **Кунин А. В.** Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и фак. ин. яз. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
12. **Ларин Б. А.** Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Серия: Филологические науки. 1956. Вып. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. № 198. С. 200-224.
13. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 287 с.
14. **Ammer Ch.** The American Heritage Dictionary of Idioms. Houghton: Mifflin, 1997. 1191 p.
15. **Bolt R.** A Man For All Seasons. London – New York: A&C Black, 2013. 128 p.
16. **Cibber C.** Three Sentimental Comedies: Love's Last Shift; Or, The Fool in Fashion. The Careless Husband The Lady's Last Stake; Or, The Wife's Resentment. New Heaven – London; Yale University Press, 1973. 352 p.
17. **Galsworthy J.** The Little Man: A Farcical Morality in Three Scenes. Gloucester: Kessinger Publishing, 2004. 48 p.
18. **Howard R.** The Committee. Urbana: University of Illinois, 1921. 138 p.
19. **Macmillan Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary/british/noose> (дата обращения: 20.05.2016).

**REMOTIVATION OF INTERNAL FORM OF PHRASEOLOGICAL UNITS
AS ONE OF THE TYPES OF PHRASEOLOGICAL CREATIVITY**

Sheveleva Irina Aleksandrovna

*Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
forgetmenot69@rambler.ru*

The article deals with one of the types of the creative transformation of phraseological units – remotivation consisting in playing up the literal meaning of the phrase, which has become a basis of the phraseological unit, and the idiomatic meaning that this phrase has obtained as a result of reinterpretation. The object of the research is 150 contexts of the author's individual transformation of phraseological units in each of the XVIII and XX centuries. Particular attention is drawn to the fact that remotivation is included in the process of language development as one of its stages, which explains difference in the quantitative indicators of remotivated phraseological units.

Key words and phrases: remotivation; internal form; phraseological creativity; prototype; demotivation.